

Исследование британского типолога и специалиста по тибето-бирманским языкам Д. Петерсона «Аппликативные конструкции» посвящено, как это следует из его названия, типологии аппликатива – повышающей актантной деривации, наряду с каузативом, весьма распространенной в языках мира, однако гораздо хуже описанной. В частности, не существует общепринятой классификации семантических и синтаксических типов аппликатива, недостаточно разработаны способы его формального описания. Данная работа призвана заполнить этот пробел.

Эта попытка, в общем, увенчалась успехом: работа дает такой широкий диапазон сведений об аппликативной деривации, которого не может дать ни одно описание конкретного языка, даже с развитым аппликативом. В частности, очень существенна вторая глава, посвященная классификации аппликативов.

Автор предлагает свое определение данной деривации (что необходимо, поскольку типология аппликатива разработана не так хорошо, как для многих других дериваций): аппликатив должен маркироваться в глаголе и повышать статус некоторого периферийного участника ситуации до прямого объекта. Нужно, правда, сказать, что последний момент в определении сформулирован несколько расплывчато («обычно это прямой объект»). Как убедительно показывает автор, обычно аппликативный объект имеет некоторый набор свойств прямого объекта, но совсем не обязательно полный набор.

В этой связи возникает вопрос, как соотносится с аппликативом другая деривация, повышающая статус объекта – «версия», продвигающая участника в позицию **непрямого** дополнения. Как кажется, она весьма близка к аппликативу: участник с высоким коммуникативным статусом также продвигается в привилегированную синтаксическую позицию, становясь ядерным актантом глагола. Однако версия в работе, к сожалению, даже не упоминается.

Дав определение аппликатива, автор выделяет несколько признаков, по которым делит аппликативы на подтипы. Особый интерес представляет, на наш взгляд, варьирование статуса объектов при глаголах, имеющих два прямых объекта – исходный и аппликативный. В традиционных работах такого рода конструкции могли рассматриваться просто как «вдвойне переходные», но современные исследования (см., например [Polinsky, Kozinsky 1993]) показали, что почти никогда два объекта не бывают действительно равноправны.

Данный вывод подтверждает и исследование Д. Петерсона: как правило, применяемые им синтаксические тесты (способ релятивизации, пассивизация, реципрокализация, возможность замены объектной именной группы на клитику) позволяют разграничить эти два типа объектов. В этой связи аппликативные конструкции близки к каузативам от переходных глаголов, где объекты также различаются (по сочетаемости с деривациями, способности контролировать рефлексив и т.д.).

Еще один интересный признак – сочетаемость аппликативных показателей. Как и каузативация, «аппликативизация» часто ограничена – причем как бы с двух сторон: может быть запрещена деривация от непереходных глаголов или, напротив, от трехвалентных, имеющих два исходных объекта. В дальнейшем автор излагает формальную теорию, позволяющую описать это варьирование. Однако важно, что в книге дается и диахроническое обоснование: часто аппликативный показатель восходит к свободному глаголу или вспомогательному элементу со значением ‘давать’ и наследует его синтаксические свойства, в частности, переходность.

Интересно, что различия между типами аппликативов, как оказывается, могут существовать не только между языками, но и внутри одного языка. С этой точки зрения очень полезно предпринятое в работе описание языка хакха-лаи тибето-бирманской группы, обладающего развитой системой аппликативов (включая комитативный, локативный, инструментальный, бенефактивный, малефактивный, а также более экзотические типы).

Участники, продвигаемые различными типами аппликатива в позицию прямого объекта, сильно разнятся по своим свойствам: одни из них, как бенефициант, обязательно одушевленные, другие, как локатив, напротив, всегда неодушевленные. Это влияет и на их статус: при инструментальном, локативном и бенефактивном аппликативе степень близости объекта к прямому дополнению различается.

Описание системы хакха-лаи полезно и еще с одной точки зрения: оно задает возможный диапазон типов аппликатива – в то время как широко известны в лингвистике, в основном, самые распространенные типы: инструментальный, локативный и бенефактивный.

В этой связи, кстати, вызывает удивление, что в книге не упоминается еще один тип аппликатива, описанный в работе [Lehmann, Verhoeven 2006], где для него предложен термин «экстраверсив». Если глагол исходно является непереходным, но подразумевает пациентив-

ного участника (например, 'есть'), аппликатив может присваивать роль прямого дополнения пациенсу – следовательно, экстраверсив дополняет различные семантические типы аппликатива.

В работе описывается также другая аппликативная система, представленная в языке букусу группы банту. Этот язык также имеет несколько типов аппликатива (бенефактивный, инструментальный и локативный), различающиеся по своим свойствам. При инструментальном аппликативе ключевые объектные свойства имеет пациенс, при локативном – локативный аргумент, наконец, при бенефактивном распределение свойств зависит от одушевленности партиципантов.

Семантически, помимо систем с дифференциацией типов аппликатива, существуют системы с одним обобщенным показателем, например, язык чага группы банту или австронезийский язык туканг-беси.

Наконец, последний параметр классификации очень важен для типологии актантной деривации в целом. Как правило, по умолчанию считается, что любая конструкция с производной формой глагола может быть сопоставлена некоторой «исходной» форме и конструкции, в которой она выступает. Как показано в работе, это существенное упрощение: отнюдь не для всех аппликативных конструкций существуют параллели с периферийным кодированием объекта.

Не обойден вниманием и еще один аспект, очень важный для современной типологии – дискурсивная роль аппликатива (см. исследования [Givón 1983; Thompson 1990], а также сборник [Bybee, Hopper (eds.) 2001] о дискурсивных функциях грамматических категорий). Автор ожидает, что аппликативный объект будет ранжирован выше исходного по характеристикам, связанным с топикальностью, и проверяет свои гипотезы на материале языков волоф и хакха-лаи. Используются два подхода – подход Гивона и его последователей, характеризующий топикальность в терминах количества упоминаний объекта и расстояния между ними (наиболее топикальным для данного предложения считается аргумент, упомянутый в тексте незадолго до него и упоминаемый в последующих предложениях) и подход Чейфа и Томпсон, при котором топикальность связана с такими характеристиками, как одушевленность, выражение местоимением или именной группой, определенность, длина именной группы и др.

В целом высокая топикальность аппликативного аргумента подтверждается – но выявляются и еще две особенности конструкций. Во-первых, о роли аппликатива в увеличении

топикальности объекта можно говорить, прежде всего, в применении к собственно бенефактивным употреблениям. В частности, автор замечает, что употребление бенефактивного аппликатива дает возможность замещения объекта кратким местоимением, а это во многих языках характеризует именно ядерные актанты глагола (в предыдущих исследованиях эта конкретная функция не рассматривалась).

Инструментальные, комитативные и локативные аппликативы не придают своему объекту такого высокого статуса. Их функция является в большей мере синтаксической. В частности, именно инструментальные и локативные аппликативы часто используются, чтобы сделать объект доступным для релятивизации. Данное различие вполне объяснимо: ведь именно при бенефактивах объект является одушевленным – при других употреблениях это ограничение отсутствует или не столь значимо. Во-вторых, по статусу вводимые аппликативом объекты практически тождественны реципиентам при таких глаголах, как 'давать' или 'дарить' – общность этих семантических ролей неоднократно отмечалась.

Аппликативы в хакха-лаи и волоф различаются по своим функциям, что связано с различиями в самой системе аппликативных маркеров. В хакха-лаи аппликативы обычно вводят одушевленные аргументы, которые, тем самым, получают очень высокую топикальность, приближающую их к реципиентам трехвалентных глаголов. Напротив, в волоф, помимо одушевленных, аппликативом часто вводятся неодушевленные аргументы – и в этом случае ключевыми являются именно синтаксические функции аппликатива. Тем самым, дискурсивный подход и сравнение двух языковых систем позволяет автору наметить границу между «синтаксическими» употреблениями при неодушевленных аргументах и «коммуникативными» – при одушевленных.

В целом глава, посвященная дискурсу, подтверждает ожидания, но позволяет придать тенденциям более точную форму. В частности, это связано с тем, что аппликативные конструкции не слишком часто встречаются в текстах – тем более сложно проследить их употребление в определенной функции.

При общей функционально-типологической ориентации работы автор уделяет внимание и формальным механизмам описания аппликативных конструкций. Впрочем, этот анализ довольно фрагментарен, и винить в этом стоит не автора, а современное состояние формальных исследований по этой теме. Если часть различий, как, например, применимость «аппликативизации» ко всем или только к переходным глаголам, объяснялась с формаль-

ной точки зрения, то другие – к примеру, формальные различия между семантическими типами – просто игнорировались. В этом смысле «формальная» часть работы, конечно, необходима для полноты исследования, но дает не так уж много для типологии аппликатива.

Гораздо более информативна и интересна глава, посвященная диахроническим аспектам типологии аппликатива. Как показывает автор, для такого изучения важно проанализировать три стадии развития конструкций: формирование аппликатива и его источники, развитие аппликатива и первичность одних типов по отношению к другим и, наконец, дальнейшая эволюция аппликативных маркеров к синтаксическим употреблениям.

Изначально маркеры аппликатива обычно восходят к предлогам и послелогам или к конструкциям с сериальными глаголами. В первом случае предлоги и послелоги начинают присоединяться к глаголам, и конструкции типа 'мы точим ножи о камень' (предложное управление) автоматически превращаются в 'мы точим-о камень ножи' (инструментальный аппликатив, предлог 'о' инкорпорирован в глагол).

Интересно, что часто такого рода развитие связано с опущением исходного объекта в простом предложении или при релятивизации. Например, так образовались инструментальные аппликативные конструкции в языке рама: только при условии нулевого выражения объекта управляющий им предлог присоединялся к глаголу. Такое развитие интересно и для более широкой типологической перспективы.

Как правило, считается, что первичными являются семантические употребления дериваций, связанные с изменением набора семантических актантов глагола. К примеру, изначально каузатив подразумевает изменение семантики ситуации – а позднее может использоваться чисто синтаксически, например, для образования разносубъектных полипредикативных конструкций (см. [Nichols 1985] о чеченском). Однако существуют и противоположные случаи, когда изменение семантики ситуации выражается механизмами, исходно мотивированными синтаксически – аппликатив относится именно к таким случаям.

С другой стороны, при глагольном происхождении источником может быть сериальная конструкция с глаголами с обобщенным значением типа 'брать' (инструментальный аппликатив) или 'давать' (бенефактивный аппликатив).

Именно такой путь образования аппликатива связан с подробно описанной автором каузативно-аппликативной полисемией. Известно, в частности, что глаголы со значением 'давать'

часто становятся показателями каузатива – первоначально пермиссивного (ср. русск. *Дай мне пройти*), а затем и других типов. Тем самым, иногда каузативно-аппликативная полисемия связана с независимым развитием двух значений из одного показателя.

Нередко два употребления бывают дополнительно распределены по глаголам: каузативное сочетается с непереходными глаголами (еще в работе [Недялков, Сильницкий 1969] отмечено, что с этим классом глаголов каузатив вообще сочетается лучше), а аппликатив – с переходными: такое распределение лишней раз свидетельствует о связи между этими значениями.

С другой стороны, существует и другой тип той же полисемии, когда каузативный показатель совпадает с инструментально-аппликативным. Основой для него является другой тип каузативной конструкции: прежде всего, конструкции с неодушевленным субъектом каузируемой ситуации. Даже при отсутствии собственно аппликативного употребления, как, например, в адыгейском языке, такие конструкции могут переосмысливаться как инструментальные (например, 'я заставил молоток разбить чашку' → 'я разбил чашку молотком'): это связано с тем, что для канонического каузатива от переходного глагола неодушевленный СКС непрототипичен (см. [Shibatani 2002] о различных типах каузатива).

Позднее показатели такого рода могут получать аппликативные употребления, отделяясь от каузативного значения. Тем не менее, такой сценарий развития не слишком распространен.

Еще одно промежуточное значение при такой каузативно-инструментальной полисемии – социативное значение: как справедливо отмечает автор, в ряде ситуаций каузативная и социативная трактовка одинаково приемлемы (например, ситуацию 'вести' можно считать каузативом 'заставлять идти', а можно – социативом 'идти вместе с кем-л.'). Социативное и инструментальное употребления типологически очень близки, см. хотя бы диссертацию [Архипов 2005], где показано, что они совмещаются очень во многих языках.

Синтаксические типы аппликатива также соотносятся диахронически: как считает автор, первичны «симметричные» аппликативы, связанные только с увеличением транзитивности глагола: непереходные глаголы они делают переходными, а переходные – вдвойне переходными. Затем конкуренция объектов усиливается, и один из них (обычно вводимый аппликативом) становится привилегированным. Как правило, это развитие проходит промежуточную стадию, когда объекты ведут себя по-раз-

ному в зависимости от того, есть ли между ними различие по одушевленности – а затем приходит к синтаксически мотивированной ситуации, когда любой аппликативный объект превосходит по статусу исходный.

В пользу такого развития выдвигается именно наличие промежуточной стадии: если бы исходной была «асимметричная» ситуация, невозможно было бы объяснить стратегии, основанные на противопоставлении по одушевленности: асимметричная стратегия и так предполагает привилегированность одушевленного объекта, поскольку он и вводится аппликативом.

С другой стороны, как отмечает автор, в асимметричных системах типа чичева аппликатив имеет более узкую сочетаемость, чем в симметричных. Тем самым, слабой стороной этого подхода является то, что необходимо постулировать сужение сочетаемости показателя в ходе эволюции – тогда как обычно происходит обратное. К сожалению, автор не объясняет такого необычного развития.

Развитие одного типа аппликатива из другого представляет интерес и с точки зрения диахронической типологии показателей актантной деривации: фактически при переходе от одного типа к другому повышающая деривация превращается в интерпретирующую. Сходный сценарий развития можно наблюдать у каузативов в чеченском и адыгейском языках, когда каузативный маркер начинает использоваться не для повышения валентности глагола, а прежде всего для переключения референции, маркируя смену субъекта.

Наконец, из аппликативного употребления могут возникать синтаксические употребления – в частности, номинализации. Как автор показывает на примере языков надеб, майя и калкатунгу, часто употребление аппликативов (в особенности локативного и инструментального типа) ограничено подчиненными, в первую очередь релятивными, клаузами типа 'которым мы режем'. В этом случае объект присутствует в главной клаузе, а в подчиненной опускается. Такое употребление может быть позднее переосмыслено как номинализация: номинализации вообще диахронически и синхронно тесно связаны с подчиненными клаузами.

В частности, автор дает новый и интересный анализ океанийских языков. Формы аппликатива в этих языках совпадают с отглагольными существительными. Как правило (см. [Ross 1995]), считается, что исходно данные показатели использовались именно в номинализациях, а позднее были переосмыслены как финитные. Однако автор считает, что скорее исходным было использование данных по-

казателей в качестве показателей аппликатива или фокуса в подчиненных предложениях, а позднее они стали употребляться в качестве показателей номинализации. Пределом грамматикализации является лексикализация аппликативных форм, ср. примеры типа *i-sele* 'то, чем режут' (инструментальный аппликатив от *sele* 'резать') из языка боумаа-фиджи.

Последняя глава затрагивает проблематику типологии систем: с помощью статистических методов прослеживается связь между наличием аппликатива (или определенных его подтипов) и другими явлениями языковой системы: порядком слов, синтаксическим строем, принадлежностью к языкам с вершинным или с зависимостным маркированием, ограничениями на релятивизацию аргументов, выражением синтаксических отношений падежами или предлогами/послелогами, а также другими деривациями: каузативом, пассивом и антипассивом.

Часть параметров, как выясняется, мало связана с аппликативами: в частности, аппликативы отдают предпочтение языкам с вершинным маркированием, но разница статистически мала. Также не прослеживается связь с наличием специфического объектного маркера. Как отмечалось в лингвистических работах, аппликативы несколько чаще среднего встречаются в языках со срединной позицией глагола и несколько реже – в конечной, но и эта зависимость сравнительно мала.

С другой стороны, обнаружен ряд значимых зависимостей. В частности, аппликативы явно свойственны, прежде всего, эргативным языкам. Как отмечалось, наиболее топиальной в таких языках часто является позиция абсолютива: тем самым, аппликатив позволяет сразу передвинуть аргумент в коммуникативно наиболее значимую позицию. Напротив, в аккумулятивных языках передвижение в позицию прямого объекта такого эффекта не дает: в них наиболее топиален все же субъектный, а не объектный аргумент, а значит, помимо аппликатива, требуется механизм типа пассивизации, передвигающий прямой объект в позицию субъекта.

Интересно, что автор обнаруживает корреляции между наличием пассива и наличием бенефактивного или обстоятельственного аппликатива¹. Это лишний раз доказывает, что

¹ Нужно, однако, сказать, что эта корреляция явно преувеличена: в частности, в выборку попал русский язык, не имеющий аппликатива, но имеющий пассив, однако при подсчетах оказывается, что все языки с пассивом имеют также аппликатив.

не для любого типа аппликатива важнейшей функцией является увеличение топиальности. Наиболее важна эта функция именно для бенефактивного подтипа – тем самым, естественно, что при наличии такого инструмента в языке появляется и пассив, подразумевающий передвижение топиального аргумента в субъектную позицию. Другие типы аппликативов с пассивом не связаны – а значит, «топиальная» функция бенефактива явно преувеличена.

Каузатив связан с аппликативом, поскольку наличие в языке аппликатива относит его к «повышающему» типу по [Nichols 1993] и [Nichols et al. 2004]: следовательно, стоит ожидать, что в языке также имеется каузативный показатель. Наконец, антипассив часто встречается в языках с аппликативом, по-видимому, потому, что аппликатив характерен для эргативных языков.

К сожалению, автор не упоминает об интересном следствии из этого: в одних и тех же языках типологически засвидетельствованы противоположные деривации – аппликатив, повышающий статус объекта, и антипассив, понижающий его. Тем самым, деление на повышающие и понижающие языки в этом случае размывается. Требуется более детальный анализ взаимоотношений аппликатива и антипассива.

С другой стороны, локативный аппликатив (и другие подтипы, связанные с продвижением неодушевленных участников) часто встречается в языках, где ограничены возможности релятивизации: тем самым, «неодушевленные» типы действительно используются не для повышения топиальности, а для увеличения доступности аргумента для синтаксических процессов.

Наконец, выборка позволяет сопоставить различные подтипы внутри аппликатива: наличие бенефактивных и инструментально-комитативных аппликативов никак не связано с остальными подтипами – тогда как локативный и обстоятельственный подтипы встречаются в тех языках, где выражаются и другие типы аппликативов. Следовательно, ключевыми, ядерными, являются именно первые два типа – причем выражаться они могут как отдельными показателями, так и обобщенными аппликативными.

Как кажется, данная глава, как и исследование в целом, полезна не только для типологии аппликатива, но и в качестве образца системного типологического исследования: все утверждения в ней делаются на строгой статистической основе. В то же время читателю, заинтересованному типологией актантных дериваций, не хватает более подробных объяснений. Впрочем, возможно, это дело будущего, поскольку описания аппликативов в настоящее время все еще довольно скудны. Наиболее ин-

тересным полем исследования был бы анализ соотношения аппликатива с конкретными актантными деривациями: это было бы логичным продолжением широкого типологического анализа, предпринятого в работе Д. Петерсона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов 2005 – А.В. Архипов. Типология комитативных конструкций: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Недялков, Сильницкий 1969 – В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Л., 1969.
- Bybee, Hopper (eds.) 2001 – J. Bybee, P. Hopper (eds.). Frequency and the emergence of linguistic structure. Typological studies in language 45. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Givón 1983 – T. Givón. Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study. Amsterdam, 1983.
- Lehmann, Verhoeven 2006 – C. Lehmann, E. Verhoeven. Extraversive transitivization in Yucatec Maya and the nature of the applicative // L.I. Kulikov, A.L. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, valency and transitivity. 2006.
- Nichols 1985 – J. Nichols. Switch-reference causative // CLS 21. Pt. 2: Papers from the parasession on causatives and agentivity. 1985.
- Nichols 1993 – J. Nichols. Typological implications of lexical transitivity (MS). University of California (Berkeley), 1993.
- Nichols et al. 2004 – J. Nichols, D.A. Peterson, J. Barnes. Transitivity and detransitivizing languages // Linguistic typology. 8. 2004.
- Polinsky, Kozinsky 1993 – I. Kozinsky, M. Polinsky. Causee and patient in the causative of transitive: coding conflict or doubling of grammatical relations? // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and transitivity. 1993.
- Ross 1995 – M. Ross. Reconstructing Proto-Austronesian verbal morphology: Evidence from Taiwan // P. Li et al. (eds.). Austronesian studies relating to Taiwan. Taipei, 1995.
- Shibatani 2002 – M. Shibatani. Introduction: Some basic issues on the grammar of causation // M. Shibatani (ed.). The grammar of causation and interpersonal manipulation. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Thompson 1990 – S. Thompson. Information flow and dative shift in English discourse // J. Edmondson et al. (eds.). Development and diversity: Language variation across time and space: A Festschrift for Charles-James N. Bailey. Arlington, 1990.

А.Б. Летучий